

Е. М. ПРИМАКОВ,

академик Российской академии наук, президент Торгово-промышленной палаты РФ,
доктор экономических наук, профессор, министр иностранных дел РФ (1996–1998)

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ*

Я бы хотел поделиться некоторыми идеями, мыслями в связи с разворачивающимся кризисом, а также сказать, что я думаю о том, в какой мир вступила Россия и что нам следует делать сейчас в этом мире.

Сначала о кризисе. Если кто-то говорит, что он предсказывал, что кризис будет именно таким и что кризис быстро охватит весь мир — не верьте. Никто не ожидал этого. Сейчас задним числом очень многие храбрятся или саморекламщики, как хотите, начинают говорить о том, что они уже знали несколько лет или год назад, что мы вступим в такую полосу, — нет, не было этого. Этот кризис системный. Но не верьте и тем, кто говорит, что этот кризис свидетельствует о полном крахе капитализма и крахе доллара. Действительно, это кризис той модели капитализма, которая существовала и развивалась в Соединенных Штатах Америки. По Марксу, триединая формула, характерная для капитализма: деньги—товар—деньги. В Соединенных Штатах эта формула переросла в другую: деньги—деньги—деньги. Не материальное производство, развитие которого раньше обогащало капиталиста, а деньги—деньги—деньги. И это, в общем-то, создало совершенно новый фон развития рыночных отношений, который предопределил безграничную свободу займа, свободу операций денежными средствами, спекулятивные операции денежными средствами без контроля государства. Все то, чем и занимались банки. Это привело к образованию и вздутию финансовых пузырей, которые лопнули, и образовалась раковая опухоль, метастазами проникающая из США в другие страны.

Не осталась в стороне и Россия. У нас некоторые говорили, что мы будем островом стабильности в бушующем кризисном море, — не получилось. Кризисное море захлестнуло и нас. Произошло это потому, что Россия очень углубилась в процессы, которые определяют развитие мировой экономики. Но не только это. Обратите внимание, что в документе,

* Лекция прочитана в СПбГУП 23 апреля 2009 г.

направленном премьер-министром Владимиром Владимировичем Путиным в Государственную Думу по поводу антикризисной программы, говорится, что кризис в России имеет свои специфические характеристики. Они связаны с тем, как развивалась у нас обстановка в докризисный период, когда образовался ряд дисбалансов, и об этом надо сказать открыто. Один из дисбалансов заключался в том, что 40 % валового внутреннего продукта у нас создается за счет экспорта сырья. Сейчас некоторые говорят: «Положение в Китае лучше, чем у нас. Они сейчас многое делают для более быстрого выхода из кризиса». Действительно, это так. Но китайский опыт нам не удастся повторить. Почему? Потому что китайский валовой внутренний продукт, так же как у нас, в значительной части создан за счет экспорта, однако не сырья, а готовой продукции. А у нас экспортируется сырье. В условиях резкого сокращения экспорта в Китае решили направить нерезализованную его часть на внутренний рынок, поднять платежеспособность населения, стимулировать инвестиции — и таким образом выйти из кризисной ситуации. Мы такой маневр совершить не можем, потому что у нас не изменена структура экономики. Она осталась сырьевой. Мы не можем сейчас развернуть сырьевой поток, который не находит потребителя за рубежом, на внутренний рынок. А если поднять одновременно платежеспособный спрос населения, то тем самым импорт только увеличится. Так что у нас маневренные возможности далеко не такие, как у Китая — это нужно понимать. И это в результате той диспропорции, которая образовалась в докризисный период.

И еще одна диспропорция: в России задолго до кризиса создалось положение, при котором главный источник финансирования развития нашей экономики находился за рубежом. Более дешевые кредиты получали за рубежом. Я помню заседание Совета по конкуренции, который существует при председателе правительства. Тогда председателем прави-

тельства был Зубков. И, в общем-то, шел разговор такого порядка. Мы 90 млрд долларов выплатили в качестве покрытия тех зарубежных кредитов и займов, которые получил Советский Союз и Россия. Это было сделано достаточно легко за счет накопленных средств от высоких цен на нефть и газ. Хорошо, очень хорошо, что нам удалось это сделать. Но одновременно до 500 млрд поднялась корпоративная задолженность перед зарубежными кредитными организациями. Наши компании, банки были вынуждены кредитоваться за рубежом. Объективно так получилось. Я не считаю, что это во всем было правильно, потому что многие из полученных средств были вложены в небольшие пакеты акционерного капитала различных компаний и не вернулись в Россию. Но я сейчас этот вопрос не рассматриваю. Я просто хочу сказать о том, что в условиях, когда полученные средства за счет высоких цен на нефть и газ не были вложены в нашу кредитно-банковскую систему, чтобы поднять ее капитализацию, наши банки и компании были вынуждены брать кредиты за рубежом. Вне зависимости от тех причин и мотивов, по которым они брали, появился огромный новый долг. Причем этот долг равносителен государственному долгу. Почему? Потому что, во-первых, кредиты и займы за рубежом брали в основном государственные компании. А во-вторых, брали под государственные гарантии. И вот этот долг сейчас висит на нас. Так мы вступили в кризис. Это очень серьезная проблема нашей кризисной ситуации, которая должна быть учтена руководством. Нужно сделать все для того, чтобы компании-заемщики сами расплачивались. Государство не может за них расплачиваться полностью. Ничего страшного, если за долги пойдет часть их активов, я, естественно, не имею в виду стратегические компании.

Теперь об антикризисных мерах правительства. Я считаю, что Владимир Владимирович Путин поступил правильно, когда первым делом

поддержал кредитно-банковскую систему за счет средств из Резервного фонда. Потому что средства в кредитно-банковскую систему необходимо было отчислить, чтобы она не зашаталась. Если бы это произошло, это бы означало обвал всей экономики, и не только экономики. Население хранит свои сбережения в банках. Представляете, если бы повторилась ситуация десятилетней давности, при которой были заморожены банковские вклады населения? Этого, конечно, нельзя было допустить. Поэтому финансовые средства были направлены в банки для того, чтобы их укрепить. Кроме того, у этих средств должна была быть еще и другая функция. Предполагалось, что банки часть средств переадресуют реальному сектору экономики в виде кредитов. Банки этого не сделали. Вместо этого они начали скупать валюту и переводить ее за рубеж. Однако просто осудить за это банки невозможно. Они пытались увеличить ликвидность, свою капитализацию, пытались сделаться прочнее для того, чтобы пережить кризис. Но в то же время мы сейчас, через несколько месяцев, начинаем делать то, что должны были, как мне кажется, сделать с самого начала. Дело в том, что когда банки оперируют средствами, отпущенными из бюджета, они теряют характер коммерческой организации и становятся агентами правительства, бюджета, государства — как хотите. Им даются средства под определенный процент. В данном случае под 8 %. Далее можно было бы продиктовать им: несколько процентов оставить в виде собственной прибыли, а все остальное под такой-то процент дать реальному сектору экономики. К этому сейчас пришли. В настоящий момент это может облегчить положение, которое сложилось в реальном секторе экономики. В то же время большое значение имеет открытие, как выразился Владимир Владимирович Путин, «второго фронта» непосредственно в реальном секторе экономики — это и госзакупки, и налоговые льготы, и государственное кредитование, и т. д.

Теперь, если говорить о формуле выхода из кризиса. Какой она должна быть? Мне кажется, что это совокупность трех задач, которые следует решить. Хочу подчеркнуть, что они очень взаимосвязаны. Первая задача заключается в том, чтобы ми-

нимизировать те потери, которые неизбежны в кризисных условиях для экономики и социальной жизни страны. Для этого многое делается. Вторая задача заключается в необходимости определить точки роста, создать их иерархию и найти оптимальный путь к подъему экономики. И наконец, третья задача, вытекающая из той правительственной программы, которая представлена в Государственную Думу, — создание новой модели экономики России. Она не должна повторять ту модель, что существовала раньше, до кризиса. Новую модель нужно создавать уже сегодня, и базироваться она должна на инновационном развитии России. У нас только 10 % предприятий занимается инновациями. На рынке наукоемкой продукции России принадлежит меньше 1 %, в то время как около 7 % — Китаю, 37 % — США. Нам есть над чем подумать. Многие из вас знают, наверное, имя Н. Д. Кондратьева. Это выдающийся экономист (он, к сожалению, повторил судьбу многих — в 1938 году скончался в тюрьме). Кондратьев — автор теории длинных волн. Он говорил, что при рыночном хозяйстве в течение 40–50 лет наблюдается восходящая волна, потом — убывающая, затем — снова восходящая. Причем при новой восходящей волне происходит выход на новый технико-технологический уровень. Эту систему многие понимают. И мы должны это понять, преломить это в нашем сознании. В Соединенных Штатах, например, в 2009 году на 3,2 % увеличили финансирование науки, а у нас оно, к сожалению, сокращается. Хотя средств из бюджета выделяется чуть больше, чем в прошлом году, но если сопоставить с инфляцией, то получается сокращение. Конечно, сейчас нужно больше думать об инновациях, о развитии науки.

Теперь хочу сказать о другом. Кризис еще раз подчеркнул, что нет однополярного мироустройства. Потому что не может руководство всем миром осуществляться из одного центра. Вопрос об однополярном мироустройстве стоял теоретически. Не стоит думать, что я сравниваю фашистскую Германию с Советским Союзом, я далек от этого. Но однополярное мироустройство могло быть по Гитлеру, когда он хотел завоевать весь мир, и по Советскому Союзу — когда идеологически мы хотели объединить весь мир под собой.

После окончания холодной войны, после того, как перестал существовать Советский Союз, Соединенные Штаты решили, что, оставаясь самыми сильными в экономическом, военном отношении, по политическому влиянию, они образуют однополярное мироустройство, и стали действовать так, как будто мир действительно однополярен. Объективные процессы показывают, что этот вывод не имеет ничего общего с действительностью. Китай развивается в 6 раз, а объединенная Европа — в 1,5 раза быстрее, чем США. Индия очень быстро развивается. Многополярность растет на глазах. Я думаю, что самая главная, если хотите, беда американского руководства состояла в том, что они посчитали — раз США самые сильные на данном этапе в мире, то это является показателем однополярного мироустройства. И они не только теоретически поставили знак равенства, но и стали действовать на практике через доктрину так называемого унилатерализма. В чем заключается эта доктрина? США сами, без участия Совета Безопасности ООН, даже без своих союзников, решают, куда им двинуть свою военную машину, где провести военную операцию, какой режим свергнуть. Именно так поступили Соединенные Штаты в Ираке. В результате Ирак оказался плацдармом, который показал, насколько доктрина унилатерализма противоречит прогрессу человечества. При всей справедливости критики Саддама Хусейна Ирак при нем был светским государством. Сейчас все политические партии Ирака, представленные в парламенте, религиозные. В Ираке не было столкновений между суннитами и шиитами на религиозной почве (вы знаете, что это две ветви в исламе). А после американской оккупации между ними началась настоящая война. В Ираке не было присутствия «Аль-Каиды» — главной международной террористической организации, а после американской оккупации она перебазировалась в Ирак. Соединенные Штаты кое-как решили вопрос с «Аль-Каидой», предоставив оружие и денежные средства племенам в «суннитском треугольнике», но она не прекратила своего существования в Ираке. Наконец, что очень важно, операция Соединенных Штатов в Ираке объективно нарушила баланс, который существовал на Ближнем Востоке. Исчез

контрбаланс для Ирана. И Иран стал крупным региональным государством. Сейчас без Ирана нельзя решить по-настоящему ни одной проблемы на Ближнем Востоке.

Это еще не полный анализ. К нему можно добавить и отношения между курдами и арабами. Я недавно посетил Курдистан. В оглашенной здесь моей биографии пропустили, что в молодости я был корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке и пять лет находился в Египте и Ливане. В те годы я многократно бывал на севере Ирака, выполняя специальные задания редакции газеты «Правда». Мы пытались и сделали кое-что для того, чтобы примирить Багдад с курдами. Тогда у меня сложились очень хорошие отношения с руководителем курдского освободительного движения Мулой Мустафой Барзани. До этого, после окончания Второй мировой войны, Барзани в течение 12 лет находился в Советском Союзе и поэтому немного говорил по-русски. Я впервые к нему попал в сопровождении двух иракских офицеров в 1966 году. Несмотря на не утихавшие военные действия, курды пропустили меня к себе в горы. Один из офицеров прекрасно говорил по-русски. Он это скрывал, но когда сопровождал меня советский переводчик рассказал мне по-русски какой-то анекдот, он залился смехом, таким образом разоблачив себя. Я передал Барзани, что один из иракских офицеров знает русский язык, а второй офицер — родной брат министра обороны. И Барзани, будучи очень хитрым, в присутствии этих двоих людей говорит мне по-русски, что в Багдаде все министры (за исключением министра обороны) — «жуликаны» и «воровщики».

И вот, когда я недавно был в Курдистане, естественно, встретился с сыном Барзани Масудом, который ныне является президентом Курдского автономного района. Я познакомился с ним еще во время моего пребывания на севере Ирака, когда еще был жив его отец, ему тогда было 17 лет и он руководил радиостанцией. Во время абсолютно откровенного разговора Масуд Барзани сказал мне, что хотя и существует тенденция сепаратизма, курды не собираются отделяться от Ирака, не хотят. Почему? Масуд объяснил это так же, как в свое время его отец: если мы уйдем из Ирака, то против нас объединятся и Иран, и Турция,

и Сирия, и Ирак. В этих условиях курды хотят сохранить свою автономию внутри Ирака, но влиять на его политику через Багдад. Однако в скором времени будут определяться границы Курдской автономии. Курды претендуют на район Киркука. В этих условиях уже начинаются столкновения между ними и багдадским правительством.

Я, таким образом, хочу сказать, что Соединенные Штаты уходят из Ирака, не умиротворив Ирак, а наоборот, погрузив его в хаос, в долги, долговременно развивающиеся противоречия, которые дадут о себе знать еще через много-много лет...

Другой пример — Афганистан. Может быть, вы читали, что из числа бывших государственных деятелей создана российско-американская «группа мудрецов», в составе которой со стороны Соединенных Штатов — бывшие государственные секретари Киссинджер и Шульц, бывшие министр обороны и министр финансов, а также Сэм Нанн — известный сенатор. Мне было поручено возглавлять группу с нашей стороны. Во время обсуждения я задавал моим американским коллегам вопросы: какие цели США преследуют сейчас в Афганистане, какие задачи хотят там решить? Задачу ликвидации терроризма? Тогда почему не проводятся крупные военные операции в зоне племен, где расположен штаб «Аль-Каиды», не ведется борьба с наркотрафиком? Почему именно после того, как американские и натовские войска вошли в Афганистан, в два раза увеличилось посевы мака и намного увеличилось производство героина? Так получилось, потому что американцы не ведут с этим борьбу, боясь настроить против себя крестьянство. А крестьянство этим живет... И я сказал: «Может быть, вы сейчас увеличиваете состав своих вооруженных сил для того, чтобы потом уйти, сохранив лицо?» Мои собеседники (у нас был дружественный обмен мнениями) улыбнулись. Но так или иначе, в Афганистане ситуация непонятная.

Иран — огромная проблема, Пакистан — огромная проблема. В Пакистане, когда президентом был Мухарраф, он хоть и был диктатором, но держал ситуацию под контролем. А сейчас в Пакистане, стране с ядерным оружием, всем заправляет военная разведка, которая в свое время создала афганских талибов. Ислам-

ская оппозиция устраивает демонстрации, протесты. Это очень опасная ситуация. Ядерное оружие может попасть в руки террористических групп.

Перед всем миром сейчас стоит очень много проблем, не только вышеназванные. Поэтому я хочу подчеркнуть, что когда новый президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама посылает какие-то позитивные сигналы, нужно к этому относиться серьезно. Для меня, например, критерием является то, что Обама к себе в окружение не взял неоконсерваторов, которые породили доктрину унилатерализма, — тех людей, которые стояли во главе идеологии прежней администрации. Риторика должна быть погашена, мне кажется, с двух сторон. Не должно быть провокаций. Когда, например, у нас по телевидению говорят, что Обама принадлежит к ложе масонов, я считаю, что это наносит вред. Даже если это правда, сейчас не то время, когда нужно заражать такими эмоциями общество.

Если говорить о тех проблемах, которые мы могли бы решить совместно с США, я расскажу только о ситуации на Ближнем Востоке. Ближневосточное урегулирование — это, конечно, та проблема, которая всех очень волнует. Почему? Ближний Восток — инкубатор терроризма. Если будет урегулирован арабо-израильский конфликт, это во многом ослабит международный терроризм и ту тенденцию, которая подталкивает к противопоставлению двух цивилизаций — исламской и западной. Если произойдет ближневосточное урегулирование, будет во многом обеспечена стабильность на Ближнем Востоке, включая Иран. У Буша-младшего состоялся разговор с президентом Путиным по поводу того, что США в Аннаполисе хотят провести встречу и таким образом начать движение в пользу мирного урегулирования на Ближнем Востоке. И меня направили на Ближний Восток с конкретным заданием — помочь организовать эту встречу. Мы помогли американцам сознательно, потому что стремились к урегулированию на Ближнем Востоке. Причем, я думаю, Россия сыграла здесь не последнюю роль. Я, конечно, не был главным участником этого мероприятия. Главными были президент Путин, министр иностранных дел Лавров и его заместитель Салтанов. Но я был

направлен на Ближний Восток, где встречался и с руководством Израиля — Ольмертом, Бараком, министром обороны — и с Махмудом Аббасом, руководителем палестинцев, и с египетским президентом Мубараком, и с сирийским президентом Асадом, и с руководителем Лиги арабских государств Мусой. По предложению американцев следующая после Аннаполиса встреча должна была состояться в Москве. Это способствовало бы непрерывности процесса урегулирования, а такая непрерывность необходима. В конце концов многие поехали в Аннаполис, все прошло нормально. Но московская встреча не состоялась. Нам Соединенные Штаты говорили, что Израиль не хочет, израильтяне — что США не хотят. В результате и наработки в Аннаполисе повисли в воздухе...

Я хочу сказать, что если президент Обама будет действовать вместе с Россией и Европой, можно добиться определенных результатов. Однако сейчас возникло очередное препятствие — новое правительство Израиля. Кстати говоря, министр иностранных дел этого правительства, который, в общем-то, и тормозит решение вопроса, — выходец из Молдавии Либерман, и он прекрасно говорит по-русски. Недавно Либерман заявил, что Израиль не должен допускать изменения демографического состава населения страны — речь идет даже не об оккупированной территории, а о самом Израиле, где палестинцы такие же граждане, как и другие. Он заявил, что израильское правительство не допустит изменения соотношения между евреями и арабами, населяющими Израиль. Каким образом не допустит?

Понимаете, многие проблемы нужно решать сознательно, имея в виду необходимость сотрудничества со всеми теми государствами, которые хотят добиваться стабильности и мира. Вот на этом разрешите закончить свое выступление. Я готов ответить на ваши вопросы.

И. ЕГОРОВА, IV курс, экономический факультет: — *Уважаемый Евгений Максимович, как специалист по Ближнему Востоку, скажите, пожалуйста, с лидерами стран Ближнего Востока в большей степени нужно договариваться или руководствоваться силой?*

— Вы знаете, силой сейчас действовать нигде нельзя. Но жестко договариваться нужно, например, на Ближнем Востоке. Меня многие не поддерживают в этом отношении, но я уверен в своей правоте. Сейчас действует «квартет» посредников на Ближнем Востоке — это Соединенные Штаты, Россия, Европейский Союз и Организация Объединенных Наций. (Замечу, что Россия здесь может сыграть очень большую роль, потому что у нас хорошие отношения и с Израилем, и с Палестиной, и с ХАМАСом, и с «Хезболлой», и с Египтом — практически со всеми странами, влияющими на обстановку.) Если четыре участника этого «квартета», договорившись между собой о разделении функций, создадут компромиссный план урегулирования, используя накопленный опыт, то можно будет сказать сторонам — принимайте. А если не захотят принять, сказать, что тогда мы повернемся к ним спиной — все четверо участников «квартета». Посмотрим, кто откажется принять. Но, подчеркиваю, это должен быть компромиссный план с учетом интересов всех, в том числе, естественно, и безопасности Израиля.

Е. ДОРОШЕНКО, III курс, экономический факультет: — *Евгений Максимович, в Вашей книге «Мир без России» Вы говорите о важности России в мировом процессе, обосновывая это территорией, которую она занимает, тем, что в России сосредоточено около 50 % мировых ресурсов полезных ископаемых, а также большой интеллектуальный потенциал. А какой Вы видите Россию инновационную, ее важность в мире, и каким Вы видите мир без инновационной России?*

— Я не вижу мира без России. Это точно так же, как нельзя представить мир без Соединенных Штатов Америки, допустим, мир без Европы, мир без Китая. Это сегодня немыслимо. В то же время я вам хочу сказать, что в США после окончания холодной войны появились некоторые стереотипы. Один из этих стереотипов заключается в том, что, дескать, Советский Союз проиграл холодную войну и поэтому он распался. Это неправильно и не соответствует действительности. Распался Советский Союз из-за того, что сыграли свою роль внутренние противоречия, которые развивались внутри страны. Главным образом это

не действия кого-то извне, а положение, созданное изнутри. В 1990-е годы мы понесли очень большие потери. Экономика России потеряла в те годы практически в два раза больше, чем во время Второй мировой войны. И действительно, в Соединенных Штатах возникла иллюзия того, что Россия может быть «ведомой» ими. Эта иллюзия поощрялась и высказываниями руководителей тогдашнего российского МИДа, которые говорили, что «главное — любыми путями попасть в цивилизованный западный мир, а все остальное — это шантрапа».

Но вывод, что мы проиграли холодную войну и поэтому распались, — это заблуждение. Как можно считать, что Советский Союз проиграл холодную войну, когда мы остаемся второй ядерной державой в мире? Как можно считать, что мы проиграли холодную войну, когда Россия, будучи преемницей Советского Союза, остается самым крупным государством в мире по территории? Как можно считать, что мы проиграли холодную войну, если у нас в России 50 %, даже больше, мировых ресурсов природных ископаемых. Так что это иллюзия, будто мир может существовать без России.

Е. АФОНИНА, III курс, экономический факультет: — *Уважаемый Евгений Максимович, что для Вас важнее: наука, публичная политика или руководство людьми? Или, может быть, в разное время предпочтения менялись? Если менялись, то почему?*

— Я честно скажу: одна из особенностей моего характера заключается в том, что где бы я ни работал, мне кажется, что это самое главное место. Я работал журналистом — мне казалось, что это самое главное, работал в разведке — думал, что это самое главное, и также в МИДе, в правительстве, и т. д. И сейчас я очень удовлетворен своей нынешней работой.

А. НЕЩИМНЫЙ, IV курс, факультет культуры: — *Евгений Максимович, принимая во внимание Вашу осведомленность, как Вы можете прокомментировать разговоры по поводу масштабной провокации, которая произошла 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах? По слухам, все это провернули сами американцы и их сателлиты.*

— Я понимаю, о чем Вы говорите. Я считаю, что разговоры о том, что

сами американцы это сделали, абсолютно не соответствуют действительности. Желание найти сенсацию у многих журналистов превалирует над здравым смыслом.

С. ВАСИЛЬЕВА, II курс, факультет искусств: — Известно, что Вы занимались ситуационным анализом в области политики. Скажите, пожалуйста, какая, может быть, самая яркая ситуация Вам запомнилась и почему?

— Когда я работал в Институте мировой экономики и международных отношений, у нас была группа, которая создала методику «мозговой атаки». Ведь что такое ситуационный анализ? Это коллективная «мозговая атака» по заранее отработанному сценарию с домашними заданиями, абсолютной независимостью экспертов, которые представляют только самих себя и не упоминаются ни в каких документах поименно. Экспертная оценка сопровождается анкетированием. Я вам должен сказать: за 11 месяцев мы спрогнозировали, что будет ирако-иранская война. Во время войны во Вьетнаме за 4 месяца мы спрогнозировали, что США будут бомбить Камбоджу. Мы дали много интересных материалов по энергетическому кризису. Тогда Государственные премии зря не давались.

Е. ПУЧКОВА, III курс, факультет культуры: — Уважаемый Евгений Максимович, скажите, пожалуйста, в последнее время можно очень часто услышать, что финансирование науки — это прежде всего задача бизнес-структур, потому что именно они заинтересованы в инновациях. Скажите, пожалуйста, в новой модели экономики, о которой Вы говорили, приоритет все-таки останется у государственного финансирования или нет?

— Вы знаете, это очень хороший вопрос. Мы отличаемся от многих других стран тем, что у нас, к сожалению, бизнес мало занимается вложениями в НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки. Если говорить о фундаментальной науке, то это дело государства. Причем коммерциализация фундаментальной науки не должна быть целью. Может быть, какое-то открытие даст эффект через 10 лет, если это фундаментальное открытие. И требовать немедленной коммерциализации — значит загубить науку. Сейчас

очень важно, чтобы бизнес разворачивался именно в сторону научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок. У нас устарели основные фонды предприятий, сильно устарели, и морально, и физически. И нужно, чтобы бизнес разворачивался в сторону инноваций. А каким образом это сделать? Поймите, что никогда у нас не будет такого разворота, если предприниматель не почувствует, что без инноваций, без перехода к инновационному развитию он не сможет получить прибыль. Он тогда будет всю жизнь галоши выпускать. Понимаете? Нужно развернуть его. Это может сделать государство в виде льгот наукоемкому производству и т. д. Например, сейчас государство выделило градостроительные предприятия и предприятия, которые определяют «погоду» в отрасли. Их государство поддерживает в первую очередь. Но нужно, чтобы одним из критериев такого выделения был инновационный. Если предприятие стремится к инновациям — нужно его поддерживать больше, чем других. Мы не можем во время кризиса давать «всем сестрам по серьгам», как говорится. Если неэффективное производство, то нужно помогать не предприятиям, а тем людям, которые там работают и, может быть, будут вынуждены их покинуть. Но одновременно нужно поддерживать наукоемкое производство.

А. ЗЫКОВА, III курс, факультет культуры: — Уважаемый Евгений Максимович, что для Вас страны третьего мира? И какую, на Ваш взгляд, политику должны проводить Россия и США в отношении стран третьего мира?

— Страны третьего мира сейчас очень разнородные. Китай, Индия тоже были странами третьего мира, а сейчас посмотрите, какими темпами развиваются, в том числе и в технико-технологическом плане. А возьмите «молодых тигров» — Южную Корею, Сингапур. Третий мир неоднороден. Это понятие возникло, когда первые два мира были капиталистическим и социалистическим. Я думаю, сейчас вообще эти термины не имеют права на существование.

Н. КОГЛАНОВ, III курс, экономический факультет: — В какую сторону должна быть направлена внешняя политика России — на Запад или на Восток,

чтобы мы смогли занять сильную позицию в посткризисном мире?

— На нашем гербе орлы смотрят в разные стороны. На две стороны и должна быть сориентирована внешняя политика. Нельзя нам ориентироваться только на Запад или только на Восток. У нас должна быть диверсифицированная политика. Кстати говоря, тогда мы добьемся больших успехов и на западном направлении, и на восточном.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Евгений Максимович, как Вы считаете, по своей культуре Россия — это страна Запада или это Евразия?

— Это Россия.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — То есть это нечто особое, и не Запад, и не Восток?

— Это и Запад, и Восток, но это Россия.

Д. БАРСУКОВ, IV курс, юридический факультет: — В 1990-х годах Вы возглавляли службу внешней разведки и также параллельно занимались внешнеэкономической, внешнеполитической деятельностью. Такой вопрос: что представляет собой современная разведка, в частности внешняя разведка и дипломатия, насколько тесно они взаимодействуют в XXI веке?

— Хороший вопрос. Сначала, когда перестал существовать Советский Союз, некоторые заговорили о том, что разведка не нужна и что необходимо ликвидировать все спецслужбы. Если бы (но это чисто гипотетически, фантастически, можно сказать) весь мир мог договориться, чтобы ликвидировать и разведки, и армии — тогда можно было бы пойти по этому пути. Но даже в том случае, если бы мы только с Соединенными Штатами договорились об этом, нельзя было бы отменять разведку, потому что США тогда бы черпали все данные, которые они хотят получить, из разведывательных служб стран НАТО.

Разведка необходима. Надо, чтобы через этот канал руководство получало достоверную, упреждающую информацию, информацию о намерениях тех или иных государств. Это главным образом цель политической разведки. Есть и другие направления разведки: экономическая, военная и т. д. В то же время сейчас у нас в разведке появилось много нового, чего не было раньше. Во время холодной войны у нас были связи

только с разведками социалистических стран, а потом появились информационные связи с разведывательными службами других стран, в том числе и натовских. Обмен информацией необходим. В результате обмена информацией можно, например, предотвратить многие террористические акты. Так что разведка нужна наряду с дипломатией, но я не считаю, что здесь первое место кому-то принадлежит — именно вместе.

А. КАЗИЦЫН, II курс, юридический факультет: — *Уважаемый Евгений Максимович, как Вы относитесь к Борису Николаевичу Ельцину? Нет ли обиды на него?*

— Обид у меня ни на кого нет. А отношусь я к Борису Николаевичу Ельцину по-разному. Я считаю, что он многое сделал, у него есть достижения и в то же время серьезные недостатки, которые проявились и очень больно ударили по Советскому Союзу.

М. КУКЛИНА, III курс, юридический факультет: — *Александр III в своем завещании написал, что «у России нет друзей ввиду ее огромности». А как Вы считаете, есть ли у России друзья на международной арене?*

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Вообще-то он еще написал, что у России есть два друга — это армия и флот.*

— Почему бы, например, не считать другом России Назарбаева? У нас есть и другие друзья. Я думаю, что другом России нужно считать и Лукашенко. Даже если у нас с ним есть некоторые расхождения (а они действительно имеют место быть), не могу сказать, что это враг России.

Д. КОСМАКОВА, II курс, факультет искусств: — *Евгений Максимович, Вы принимали участие в советско-американских Дортмундских встречах. Скажите, пожалуйста, кто или что произвело на Вас наибольшее впечатление?*

— Видите ли, Дортмундские встречи тогда были своего рода «отдушиной», потому что контакты по государственной линии тогда были затруднительны. Обмен многими идеями, мыслями происходил через Дортмундские встречи. И с американской стороны были достойные участники Дортмундских встреч, например Хал Сондерс, который вме-

сте со мной возглавлял группу по конфликтным ситуациям. У меня с ним сохранились дружеские отношения. Во время Дортмундских встреч мы ко многому пришли с одинаковыми выводами, но, к сожалению, даже наше «единомыслие», которое образовалось, мало отразилось на политике в тот период.

А. ПРИХОДЬКО, II курс, факультет культуры: — *Евгений Максимович, на Ваш взгляд, с кем сложнее вести политику — с Востоком или Западом?*

— Сложно со всеми. Если вы с собеседником разговариваете неделикатно — неважно, с западным или восточным, — это обернется одинаково против ваших попыток наладить отношения. Держать слово умеют и восточные, и западные деятели. Есть цивилизационная, конечно, разница. Вместе с тем на том же Востоке есть одни лидеры и есть другие. С одними легче, с другими труднее. Так же и на Западе.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Евгений Максимович, можно ли Вас попросить ответить на ряд вопросов тезисно? Потому что интересных вопросов много, а времени почти не осталось. С Вашего разрешения я буду зачитывать записки из зала. Вот несколько вопросов, связанных с опасностью ядерной конфронтации: «Существует ли оружие, о котором мы не знаем?», «Способны ли мы отразить ядерный удар?», «Есть ли опасность третьей мировой войны?»*

— Я считаю, что опасность глобального столкновения сейчас отдалена, ее практически нет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Следующий вопрос: «Достигли ли мы, на Ваш взгляд, дна кризиса, и когда мы из него выйдем?»*

— Вы знаете, я очень люблю плавать, иногда даже ныряю, но никогда не усаживаюсь на дне, меня выталкивает на поверхность. Вот этого движения со дна на поверхность у нас пока нет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Понятно, дна мы еще не достигли.*

— Нет, может быть, и достигли дна, но пока еще там сидим.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«Существует мнение, что сегодня Россией руководит ненациональная буржуазия, то есть люди, не заинтересованные в*

развитии страны, продвигающие интересы Запада. Так ли это, на Ваш взгляд?»

— Нет, я считаю, что это не так.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«Вы говорили о том, что надо развивать науку, а у нас все «слизывают» с Европы. Ввели ЕГЭ, сейчас вводят бакалавриат и магистратуру. Как Вы относитесь к этим нововведениям? Может быть, уже хватит ставить на нас эксперименты?»*

— Я прошел другую школу, у нас была аспирантура, затем кандидатская диссертация. Считаю, что это было неплохо.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«Как Вы считаете, может быть решена проблема пиратства у берегов Сомали?»*

— Надо «давить» пиратов.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Какая интересная, характерная для западного сознания формулировка вопроса: «Восточный вопрос стоит перед миром на протяжении многих столетий. Возможно ли его принципиальное решение?»*

— Вы знаете, много «восточных вопросов» было. «Восточный вопрос» был, например, у Брандта, когда Германия изменяла свой курс. Если вы имеете в виду конфронтацию цивилизаций и, может быть, знакомы с трудами Хантингтона, в которых он говорит, что главное противоречие сейчас — это противоречие между цивилизациями, то я так не считаю. Хотя не надо закрывать глаза и на то, что есть кризис диалога цивилизаций. Диалог цивилизаций часто выражается в военных действиях. Это не диалог.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«Скажите, пожалуйста, почему духовные ценности Востока не культивируются на Западе и в России? Если бы Запад и США понимали эти ценности, то, может быть, не было бы трагедии, разрушения башен Всемирного торгового центра в США, не было бы войны на Ближнем Востоке?»*

— Я никого не призываю переходить в мусульманство и, наоборот, становиться христианами. Это две цивилизации, две религии. Впрочем, цивилизация — понятие более широкое, чем религия. Но я хочу сказать, что мы живем в век, когда эти две и другие цивилизации создают мировую цивилизацию. В каждой

цивилизации есть и материальная сторона, и духовная, причем происходит сближение и материальных, и духовных частей.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«Евгений Максимович, как Вы относитесь к введению прогрессивной шкалы налогов и введению налога на роскошь?»*

— Положительно.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«Кто такой профессиональный дипломат? В большей мере лицемерный циник, прагматик, ориентированный на работу и проблемы, или психолог — манипулятор сознания и подсознания для международных партнеров?»*

— Настоящий дипломат — умный человек.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«Часть Вашей жизни прошла в Тбилиси, Вы хорошо*

знаете Грузию. Каковы перспективы дальнейших отношений между Россией и Грузией?»

— Верю, что в перспективе отношения станут хорошими, но это зависит от того, кто будет руководить Грузией.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«А не зависит ли это от политики США?»*

— Думаю, в меньшей степени, чем от грузинского руководства.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«Евгений Максимович, сейчас высказываются две точки зрения по поводу нового правительства США, нового президента и соответственно его команды. Одна позиция — произошла смена парадигмы и к власти действительно пришли радикально новые силы. Другая позиция — произошла смена декораций, а суть американской политики оста-*

нется прежней, только более хитрой. Что Вы об этом думаете?»

— Я не считаю правильной ни первую, ни вторую точку зрения. Я думаю, что нам нужно руководствоваться высказыванием президента Рейгана, который говорил: «Доверяй, но проверяй».

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«Удастся ли Западу “оторвать” Украину от России?»*

— Верю, что не удастся.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *«Дорогой Евгений Максимович, позвольте Вас поблагодарить за то, что Вы нашли возможность встретиться с нами, и выразить надежду, что это не последняя встреча. И особое спасибо Даниилу Гранину, по приглашению которого Евгений Максимович находится здесь.»*